

ЛЕТОПИСИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ПАЛАТЫ
РОДОСЛОВНЫХ ДЕЛ (1687–1688 г.)

В статье исследуется история бытования наиболее древнего Оболенского списка Никоновской летописи. Вопреки утвердившемуся в исследовательской литературе представлению о том, что этот список в 1637 г. был изъят из библиотеки Троице-Сергиева монастыря, доказывается, что он все еще находился в монастырской библиотеке в 1687–1688 г. и покинул ее лишь в 1703 г.

Ключевые слова: Никоновская летопись, родословные росписи, Аничковы, Троице-Сергиев монастырь

Родословные росписи 80-х годов XVII в., поданные в Палату родословных дел Разрядного приказа, часто сопровождалась документами, подтверждающими происхождение и службы. В ряде случаев Палата запрашивала дополнительные документы из других приказов и из монастырей. А. В. Антонов отметил запросы в Бежецкий Николаевский Антониев и Кашинский Клобуков монастыри, в приказы Казанского дворца и Посольский, в Новгородскую приказную избу [Антонов, с. 50]. Из Троице-Сергиева монастыря Палата получила выписи из вкладных книг [Антонов, с. 151, 249, 250] и, для проверки родословных Аничковых и князей Волконских, из «старых летописцев». «Исключительность этих проверок, — отмечает А. В. Антонов, — заключается в том, что они были сделаны по челобитьям подателей росписей, заинтересованных в приобщении к родословным запрашиваемых документов» [Антонов, с. 50]. К этому следует добавить, что, в отличие от ряда иных, эти запросы оказались вполне продуктивны. Похоже, что челобитчики были вполне уверены в результатах запроса¹.

Попытки атрибутировать «старые летописцы», фигурировавшие в делопроизводстве Палаты родословных дел, до настоящего времени не предпринимались. Между тем подобное исследование могло бы добавить важные детали в историю бытования списков русских летописей.

Первый запрос о выписке из «старого летописца» был отправлен Палатой в Троице-Сергиев монастырь 22 февраля 1687 г. по челобитной князей Волконских, претендовавших на родство с павшими на Куликовом поле князьями Федором Тарусским и его братом Мстиславом. Ответ из Троицы был получен 15 марта 1687 г. [Антонов, с. 116, 117] и был таким: «В старой летописной книге написано, 563 лист, при великом князе Димитрие Ивановиче: бысть же избивенных от Мамаю, яко и число превосходяще на том побоище, убивении ж быша нарочитые и великие и удалые зело, ихже имена суть сия: князь Феодор Романович Белозерский и сын его князь Иван... князь Феодор Торуский, князь Мстислав, брат его... и иных тьмочисленное множество»². Имена Федора и Мстислава читаются в Пространной летописной повести о побоище на Дону, содержащейся в Новгородской IV, Софийской I летописях и восходящих к ним (или их предполагаемому общему протографу) сводах³, дошедших до нас в рукописях различного объема и формата. Текстологические различия в этом фрагменте не велики (собственно, сводятся к наличию или отсутствию союза *и*). Но определить источник монастырской выписки можно вполне уверенно: это Троицкий список Никоновской летописи. Идентифицировать источник выписки позволяет указание на лист рукописи — 563. Содержащийся в выписи текст в этом списке помещен на обороте листа, имеющем старую буквенную нумерацию 563 (ф̃з̃г), и продолжается на следующем листе 564 (ф̃з̃д); им соответствуют современные л. 564 об.—565)⁴. Троицкий список датируется по филиграммам концом 30-х — началом 40-х годов XVII в. [Клосс, 1980, с. 269–270; Клосс, 2000, С. VII–VIII]. В этой связи определение «старый летописец» по отношению к рукописи, написанной 50 лет назад, следует относить, конечно, к ее содержанию.

Второй раз Палата родословных дел затребовала от Троице-Сергиева монастыря выписку из летописи по прошению Аничковых 1 или 30 мая 1688 г. ([Антонов, с. 77]; в работе указана неверная дата 10 мая). Монастырские власти выполнили указ 31 мая, сообщив в Палату: «В Троицком Сергиеве монастыре в старой летописной книге написано: В лето 6829-го приехал из Большие Орды царевич Берка...»⁵. Здесь цитируется приписка в Оболенском списке Никоновской летописи⁶. Во всех иных списках, восходящих к Оболенскому и воспроизводящих эту приписку, в дате выезда Берки-Аникия пропущено 20 (к), то есть вместо 6829 г. указан 6809 г.⁷

Это — новая деталь в истории бытования Оболенского списка. По версии Б. М. Клосса, Оболенский список, составленный при митрополичьей кафедре, «в конце 60-х годов XVI в. сохранялся в царской казне». Тогда же, либо позднее (в составе царских вкладов 1582–1583 г.) его передали в Троице-Сергиев монастырь (речь идет о

¹ В отношении Головкиных, инициировавших запрос в Кашинский Клобуков монастырь, об этом можно судить уверенно, поскольку эта обитель выступала фальсификатором документов, служивших «родословными доказательствами» [Зимин].

² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1116. Л. 8. Выпущенные в выписи фрагменты летописи отмечены отточием, ср.: ПСРА. СПб., 1897. Т. 11. С. 65. Здесь же указаны текстологические разночтения списков.

³ ПСРА. СПб., 1848. Т. 4. С. 81; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 341; СПб., 1853. Т. 6. С. 95; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 466.

⁴ РГБ. Ф. 304/II. Доп. собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 364. Л. 564 об.—565.

⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 259. Ч. 2. Л. 605–606 об., 613–614 (копии 1743 г.); Ф. 1271. Оп. 1. № 550. Л. 43 об.—46.

⁶ РГАДА. Ф. 201. № 163. Л. 1211–1213; в конце выписи опущена незаконченная, написанная в оригинале другими чернилами фраза «А от тех пошли...». Предполагать однотипную ошибку, которую допускали переписчики в дате, было бы неверным — вероятно, все списки Троицкой группы восходят не к Оболенскому непосредственно, а к его списку, содержащему уже дефектную дату.

⁷ ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 301; М., 2000. Т. 13. С. 301.

первой части свода). В феврале 1637 г. список был отослан в Приказ Большого дворца, в связи с чем с него и были сделаны списки конца 1630-х годов. В 1650-х годах Оболенский список находился в Москве, когда он был использован при составлении Никоновского списка [Клосс, 1980, с. 199, 266, 273]. На этом история бытования Оболенского списка в работе Б. М. Клосса обрывается; вплоть до его приобретения князем Михаилом Андреевичем Оболенским (1805–1873) о нем ничего не известно.

Согласно мнению А. А. Амосова, первая часть Оболенского списка была передана в Троице-Сергиев монастырь из митрополичьей библиотеки «уже в бытность на митрополии Иоасафа Скрипицына», то есть в период с 1539 по 1542 г. Тогда же на л. 5–14 была сделана киноварная владельческая запись «Лѣтописецъ с(вя)тыя живоначалныя Троицы и пр(е)д(о)бнаго чудотворца Сергіа и Никона монастырской почата писат(и) при чудотворцѣ Сергіе». В 1582–1583 г. первая часть Оболенского списка упоминается среди книг «государевой постельной казны» («Книга Летописецъ писан скорописью в затылок троицкой», с пометой «отдан к Троице») [Амосов, с. 315].

Об отсылке списка в Приказ Большого дворца в 1637 г. говорит надпись чернилами по нижнему полю л. 15–27: «145-г(о) феврална въ 11 д(е)нь сина кн(и)га послана к Москвѣ к стряпчему Ивану Павлову а велено ему по г(о)с(у)д(а)р(е)ву вказу положить в приказе Большого дворца перед боярином ꙗ перед дѣаки».

По мысли Б. М. Клосса, считавшего, что в 1637 г. Троице-Сергиев монастырь расстался с Оболенским списком навсегда, с этим событием связано копирование рукописи, положившей начало Троицкой редакции Никоновской летописи: «Именно в этом году в Москву в Приказ Большого дворца был затребован принадлежавший монастырю список О, что вызвало необходимость изготовления его копии» [Клосс, 1980, с. 273–274]. Получается, что копия или копии списка О были сняты до 11 февраля 1637 г.

Интерпретация этой надписи в смысле изъятия рукописи из собственности Троице-Сергиева монастыря [Клосс, 1980, с. 273–274; Амосов, с. 315] вряд ли правомерна. Термин *стряпчий*, как определен здесь Иван Павлов, многозначен. Он может пониматься и как чин государева двора, и как чей-либо слуга, выполняющий различные хозяйственные поручения, поверенный по судебным делам⁸. В последнем значении его и следует понимать в отношении Ивана Павлова. Он был троицким слугой, жившим «за монастырскими делы» на Москве [Введенский, с. 47]. В качестве монастырского поверенного он участвовал в подготовке грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1625 г.⁹; в 1628–1630/1631 г. подписывал мировые записи о полюбовных соглашениях¹⁰; в 1636–1637 г. покупал книги для монастырской библиотеки [Пушков, с. 216–222], в октябре 1636 г. — марте 1637 г. представлял троицкие власти в Приказе Большого дворца по делу о спорных владениях рыбными ловлями в Нижегородском уезде на Волге близ села Копосово¹¹.

Приказ Большого дворца контролировал имущество Троице-Сергиева монастыря, разбирал земельные споры обители с иными землевладельцами, проверял монастырские грамоты. У «боярина и дьяков» могла быть лишь одна причина затребовать в приказ Оболенский список — сверить с ним ранние монастырские грамоты, как показало позднейшее исследование библиотекаря Лавры иеромонаха Арсения, подложные [Арсений, с. 5, 33–36]. Эти тексты совсем не объемны — они занимают лишь нижнюю треть лицевой стороны и оборот л. 11. Снятие с них копии или сверка с ними уже имеющихся в распоряжении Приказа Большого дворца копий вряд ли потребовали бы продолжительного времени. Оболенский список, предъявленный в Приказе Большого дворца троицким стряпчим Иваном Павловым, после этого должен был вернуться в Троицу.

Могла ли, как предположил Б. М. Клосс, процедура исполнения указной грамоты Приказа Большого дворца, очевидно, связанной с утверждением прав на монастырские земли, начаться с такого трудоемкого и длительного процесса, как копирование всей объемнейшей, в 1223 листа, рукописи? Исходя из наибольшей скорости переписчиков по подсчетам Е. Ф. Карского (4,5 листа с лицевой и оборотной стороны в день) [Карский, с. 271], выполнение указа пришлось бы в этом случае отложить минимум на 9 месяцев. Думается, что связь между запросом Приказа Большого дворца и появлением копии (или копий) с Оболенского списка, во всяком случае — столь прямая, как это следует из работы Б. М. Клосса, с учетом высказанных выше соображений, сомнительна.

Предположение о пребывании Оболенского списка как до, так и после 1637 г. в Троице-Сергиеве монастыре могло бы быть проверено по описи монастырской книгохранильницы 1641/1642 г., что, впрочем, затруднительно в силу краткости описаний¹². Но важнее то, что в разделе описи 1641/1642 г., озаглавленном «Книги же, которые... по

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 28. С. 203.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 431, № 206.

¹⁰ РГБ. Ф. 303. Архив Троице-Сергиевой лавры. № 454. Л. 1; № 458. Л. 1; Акты, относящиеся к истории тягло населения в Московском государстве / [Сост.] М. Дьяконов. Юрьев, 1897. Вып. 2: Грамоты и записи. С. 58–60, № 56.

¹¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. С. 359–379, № 105.

¹² Здесь перечислено 10 «летописцев»: 1) «Книга в десть на бумаге, летописецъ, поволочен в затылок, старца Серапионовской Шубина»; 2) «Книга в десть на бумаге, летописецъ Семионовской Киселева»; 3) «Книга в десть на бумаге, летописецъ русской, поволочен кожею, ветх»; 4) «Книга в десть, на бумаге, летописецъ русской»; 5) «Книга летописецъ в поддесть на бумаге, в начале «престав... князь великий Ярослав Ярославич», ветха, с начала листов вет»; 6) «Книга в поддесть на бумаге, летописецъ, начала нет, письмо худо, ветх, поволочена в затылок, митрополита Иасафа» (может быть Иоасафовской летописью — на нижнем поле ее л. 2 (по нумерации XVIII в.) находилась киноварная помета «Иасафа» (Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 4)); 7) «Книга в поддесть на бумаге, летописецъ русской, ветх»; 8) «Книга в десть на бумаге, летописецъ русской»; 9) «Книга в поддесть на бумаге, летописецъ, застежка ременная, в начале Повесть временных лет черноризца Федосеева, монастыря Печерского» (Хронограф Арсения Суханова, РНБ. Ф. XVII. 17 — атрибутирован Б. М. Клоссом [Клосс, 1980, с. 276]); 10) «Книга в поддесть на бумаге,

государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и великого государя святейшаго Филарета Никитича, патриарха московского и всеа Руси грамотам взяты к Москве», летописцев не обнаруживается¹³.

В любом случае, Оболенский список уже к 1688 г. (а скорее всего, еще в 1637 г.) вернулся в монастырскую библиотеку. К июню 1703 г. он, наряду с другими летописями, был изъят из троицкой библиотеки в образованный 24 января 1701 г.¹⁴ Монастырский приказ. Вклейка (Л. III) повествует о дальнейшей судьбе Оболенского списка: «Ся книга летописец в малую десть Троицкого Сергиева монастыря принята из Монастырского приказу иуния в 20 день 1703-го году для исправления печатного летописца»¹⁵. Тем самым рукопись разделила судьбу списков Новгородской IV летописи (ГИМ. Синодальное собр. № 152), Уваровской летописи (ГИМ. Синодальное собр. № 645) и Сборника статей и сказаний (ГИМ. Синодальное собр. № 141), также происходящих из библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Эти рукописи имеют такие же пометы¹⁶. А. В. Сиренов связывает перемещение книг с исполнением царской грамоты от 23 мая 1703 г. о сборе древних рукописей по монастырям и отсылке их в Монастырский приказ, данной И. М. Кологривову [Сиренов, с. 8]. Видимо, частью процедур по исполнению царской грамоты была и отсылка списка Степенной книги из владимирского Рождественского монастыря в книгохранительную палату Печатного двора¹⁷. Данная Кологривову грамота предписывала перед передачей рукописей в Печатный приказ «книги объявить в Монастырском приказе»¹⁸, а затем, после «исправления на Печатном дворе нового летописца», вернуть рукописи по монастырям. Но как минимум три рукописи поступили в Патриаршую (Синодальную) библиотеку.

В заключение — о родословии Аничковых в Оболенском списке Никоновской летописи, которое было предметом запроса Палаты родословных дел в Троице-Сергиев монастырь.

Новгородские помещики Аничковы¹⁹ не сделали слишком успешной карьеры. Только с конца 20-х годов XVII в. представители рода стали достигать чинов думных дворян, дворян московских, стольников и стряпчих²⁰. Аничковы желали видеть себя потомками ордынского царевича (версия Оболенского списка) или человека «честные породы» (родословная роспись 1686 г.) Берки²¹. Он якобы выехал в 1320/1321 г. из Большой Орды к великому князю (1331–1340) Ивану Даниловичу, был крещен митрополитом (1305–1326) Петром и великой княгиней Соломонидой (это имя супруга Ивана Калиты Елена приняла в иночестве, ум. 1331 г.). В крещении Берка получил имя Аникий и породнился с великокняжеским домом путем брака с дочерью Микулы Воронцова, а «Микулина жена государыне великой княгине сестра родная». Эта легенда содержит ряд исторических несообразностей, из которых наиболее очевидная — брак Берки-Аникия с дочерью М. В. Воронцова (убит на Куликовом поле в 1380 г.), который привел к союзу с великим князем. «Микулина жена» действительно была сестрой великой княгини, но не Соломониды, а Евдокии Дмитриевны, жены Дмитрия Донского. Здесь усматривается явное влияние родословной росписи Всеволожских: «Микула был свояк великому князю Дмитрию, а сынов у него не было, а была у него одна дочь за Иваном за Дмитриевичем за Всеволожским»²².

Приписки о роде Аничковых и Белеутовых были сделаны на одной из дополнительных тетрадей, присоединенных к основному блоку рукописи для продолжения летописи. Бумага, из которой составлены эти тетради, по мнению Н. П. Лихачева, относится к 70-м годам XVI в., но почерк датируется XVII в. [Лихачев, с. 327]. Б. М. Клосс, не приводя аргументов, считал, что Н. П. Лихачев отнес почерк к XVII в. «ошибочно» [Клосс, 1980, с. 194]. Для нас важно, что приписка была сделана до конца 1630-х годов, коль скоро она воспроизведена в списках этого времени, а значит, ее появление не связано с процедурами составления родословной книги в конце XVII в.

Источник текста приписки не ясен — в основных редакциях родословных книг родословной росписи Аничковых не имеется. Роспись включает семь поколений рода и, вероятно, составлена после 1524 г. (упомянута битва при Итязово) и до 1538/1539 г., когда в источниках фигурируют представители уже восьмого поколения Аничковых. Разумеется, эти соображения могут быть значимыми лишь при условии, что роспись полна, в чем нет уверенности. В законченном тексте мы были бы вправе ожидать, что в старшей ветви будут указаны представители следующего, восьмого, поколения — ровесники своих дядей из младших ветвей.

летописец русской, в начале Анастасия блаженного патриарха скорописной вопросы и ответы» (РГБ. Ф. 173/II. Дополнительное собрание библиотеки МДА. № 225. Л. 133 об.—136 об.).

¹³ РГБ. Ф. 173/II. Дополнительное собрание библиотеки МДА. № 225. Л. 140 об.—144.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4. С. 133, № 1829.

¹⁵ В 1703 г. под «печатным летописцем» могло пониматься, вероятно, лишь одно из изданий Синописа [Библиография русского летописания, с. 5]. Но А. В. Сиренов предлагает иное отождествление — «Введение краткое во всякую историю», изданное И. Ф. Копиевским в Амстердаме в 1699 г. [Сиренов, с. 9].

¹⁶ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1: № 577–819. С. 133, № 753; М., 1973. Ч. 2: № 820–1051. С. 82, № 962.

¹⁷ «Из Володимира Рождествена монастыря принята на Печатный двор в книгохранительную палату иуния в 19 день 1703 году» [Сиренов, с. 8].

¹⁸ Грамота 1703 года царя Петра Алексеевича о присылке в Москву из архиерейских домов и монастырей книг для исправления Нового летописца // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина / Изд. П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 2. С. 252.

¹⁹ Вариативность написания этой фамилии (Аничковы/Оничковы) предполагает безударность первой гласной.

²⁰ Впрочем, фамилия майора Михаила Степановича Аничкова стала эпонимом для петербургских достопримечательностей — Аничкова моста и названных по близости расположения к нему Аничкова дворца, Аничковских ворот и Аничкова переулка.

²¹ Имя прародителя было заимствовано, очевидно, у хана Берке, внука Чингисхана, деятеля XIII в.

²² Румянцевская редакция [родословных книг] / Сост. М. Е. Бычкова // Редкие источники по истории России / Под ред. А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М., 1977. Т. 2. С. 135.

По наблюдению Б. М. Клосса, тем же почерком, что и в родословии Аничковых, была внесена правка в тексте Оболенского списка под 7038 г. (Л. 946): «в имени “Федор Денисьев сын Юрьева” слово “Юрьева” частично соскоблено и переправлено на “Оничкова”» [Клосс, 1980, с. 223]²³. Это исправление не было принято в иных списках Никоновской летописи, а значит, исправление могло быть сделано после снятия этих списков. Б. М. Клосс считал («как нам кажется»), что обе приписки (о Белеутовых и об Аничковых) связаны с Разрядным приказом: «список О[боленский] попал в руки каких-то лиц (по-видимому, в Разрядном приказе)» (вскоре после 1575–1581 г.) [Клосс, 1980, с. 197, 223]. Сведений о бытовании Оболенского списка в Разрядном приказе, как и о связи Аничковых с этим учреждением, исследователь не приводит. Вероятно, это предположение следует признать умозрительным, основанным на представлениях о функциях Разряда, в числе которых было и ведение родословцев. Напротив, запрос Палаты родословных дел Разрядного приказа в Троице-Сергиев монастырь свидетельствует об обратном: в Разрядном приказе нужных сведений о родословии Аничковых не было.

Между тем интерес к Аничковым именно в Троице-Сергиевом монастыре можно объяснить связью с ним однофамильного рода монастырских слуг. Эти Аничковы последовательно, на протяжении четырех поколений, упоминаются во вкладных книгах Троице-Сергиева монастыря в 1630–1735 г.²⁴, но вполне вероятно, что они служили Троице и ранее. Неизвестно, принадлежал ли к роду монастырских слуг, или к Аничковым-новгородцам старец Никон Аничков, вкладчик в 1625 г., умерший в Киржачском монастыре в 1637 г.²⁵

Литература

- Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.
Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. (Исследования по русской истории. Вып. 6).
Арсений, иером. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преподобного Сергия. СПб., 1877.
Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.: Л., 1962.
Введенский А. А. Трудовая деятельность стряпчих в северно-русских монастырях в XVII–XVIII вв. (Из истории древнерусской адвокатуры) // Север. 1923. Кн. 1. С. 36–64.
Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 399–428.
Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. III–X.
Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1: Исследование и описание филигранных.
Пушков В. П. Книжные покупки Троице-Сергиевой лавры на Московском печатном дворе в XVII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные свидетельства духовной культуры: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. 3–5 октября 2012 г. Сергиев Посад, 2013. С. 216–222.
Сиренов А. В. О работах по «исправлению» печатного летописца в 1703 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 4. С. 8–15.

Oleg I. Khoruzhenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE TRINITY SERGIUS MONASTERY CHRONICLES IN THE PAPERWORK OF GENEALOGICAL AFFAIRS CHAMBER

The existence history of the oldest Obolensky list of the Nikon Chronicle is studied in the article. Contrary to the idea established in the research literature that this list was removed from the library of the Trinity Sergius Monastery in 1637, the author proved that the list still was in the monastery library in 1687–1688 and left it only in 1703.

Keywords: Nikon Chronicle, descent lists, Anichkovs, Trinity Sergius Monastery

²³ Для родословия Аничковых это редактирование не имело смысла: имя Федора Денисьева сына (как и Денисия) в родословной отсутствует.

²⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е. Н. Клитина и др.; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 246–247. Л. 1070–1070 об.; С. 294. Л. 627; С. 296. Л. 640 об.

²⁵ Там же. С. 202. Л. 821/2.

